З. ФРЕЙД. МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К УЧЕНИЮ О СНОВИДЕНИЯХ[1]

Мы будем иметь случай убедиться по различным поводам, что в наших исследованиях чрезвычайно выгодно пользоваться для сравнения известными состояниями и психическими феноменами, в которых можно видеть нормальные прообразы болезненных процессов. К ним относится аффективное состояние, как печаль и влюбленность, а также и феномен сна и сновидения.

Обыкновенно мы не задумываемся глубоко над тем, что человек каждую ночь сбрасывает с себя все оболочки, которыми он покрывает свою кожу, а также все дополнительные части органов своего тела, поскольку ему удалось пополнить недостатки этого тела: как-то — очки, фальшивые волосы, зубы и т. д. К этому можно еще прибавить, что, идя спать, он совершенно аналогичным образом обнажает свою психику, отказывается от большинства психических завоеваний и, таким образом, с обеих сторон чрезвычайно приближается к тому положению, в каком он был в начале своего жизненного развития. Сон со стороны соматической является воспроизведением пребывания во чреве матери, создавая условия полного покоя, теплоты и отсутствия раздражения. А многие люди во время сна принимают фетальное положение тела. Психическое состояние спящего характеризуется почти полным разрывом с окружающим миром и исчезновением всякого к нему интереса.

При исследовании психоневротических состояний является необходимость подчеркнуть так называемую временную регрессию в каждом из этих состояний, степень свойственного ему возврата на пути развития. Можно различать две таких регрессии: одну в развитии «*Я*», другую в развитии либидо. Последняя в состоянии сна доходит до восстановления примитивного нарциссизма, а первая — до ступени галлюцинаторного удовлетворения желания.

То, что известно о психических свойствах состояния сна, было открыто, разумеется, благодаря изучению сновидения. Хотя сновидение показывает нам человека, поскольку он не спит, при этом, однако, неизбежно выявляются также признаки состояния сна. Наблюдения нас познакомили с некоторыми особенностями сновидения, которых мы не могли понять, а теперь легко можем привести в связь с другими явлениями из этой области. Так, мы знаем, например, что сновидение безусловно эгоистично, и в личности, играющей в его видениях главную роль, нужно всегда признать сновидца. Нетрудно понять, что это объясняется нарциссизмом состояния сна. Ведь нарциссизм и эгоизм вполне тождественные понятия; слово «нарциссизм» должно только подчеркнуть, что эгоизм является также либидозным феноменом, или, другими словами, нарциссизм означает либидозное дополнение эгоизма. Понятной становится также общепризнанная и считавшаяся загадочной «диагностическая» способность сновидения, в которой начинающаяся болезнь нередко гораздо раньше и яснее дает о себе знать, чем в бодрственном состоянии, а именно актуальные физические ощущения оказываются колоссально преувеличенными. Это преувеличение — ипохондрическое по своей природе — является следствием того, что все психические привязанности (Besetzungen) отнимаются от внешнего мира и переносятся на «*Я*», и оно-то дает возможность так рано узнать о наступлении физических изменений, которые остались бы незамеченными в бодрственном состоянии.

Сновидение показывает нам, что случилось нечто такое, что должно было нарушить сон, и дает нам возможность видеть, каким образом можно было не допустить этого нарушения. Кончается тем, что спящий видит сон и благодаря этому может спать; вместо какого-то внутреннего побуждения, которое должно было привлечь его внимание, наступило внешнее переживание, требования которого были изжиты. Сновидение является таким образом

---

[1] *Обе последующие статьи входят в сборник, который я сначала хотел опубликовать отдельной книгой, под общим заглавием: «Подготовительные работы к метапсихологии». Они примыкают к статьям: «Влечения и их судьба», «Вытеснение», «Бессознательное». Весь этот ряд статей имеет целью выяснение и углубление теоретических положений, которые можно было бы положить в основу психоаналитической системы.*

проекцией, перенесением внутреннего процесса вовне. Мы вспоминаем, что уже в другом месте встречали проекцию в числе средств отражения нежелательных психических явлений. Механизм истерической фобии в конечном результате также свелся к тому, что индивид защищается посредством бегства от внешней опасности, которая появилась вместо требования внутреннего влечения. Но полное объяснение проекции мы откладываем до того, когда приступим к разбору нарциссического заболевания, при котором этот механизм играет самую видную роль.

Каким же, однако, образом происходит то, что мешает спать? Этому может помешать внутреннее побуждение или внешнее раздражение. Рассмотрим сначала менее ясный и более интересный случай, когда мешает внутреннее возбуждение. Опыт показал нам, что возбудителями сновидения являются «остатки дня» («Tagesreste»), отрывки мыслей, которые не подчинились общему «отнятию» (Entziehung) привязанностей (Besetzungen) и в противовес ему сохранили известное количество либидозных или других интересов. Нарциссизм сна должен был, следовательно, здесь допустить исключение, а с этим моментом связано начало образования сновидения. В анализе мы узнаем в этих дневных «остатках» латентные мысли сновидения и, судя по их природе, как и вследствие всей ситуации, мы должны признать в них предсознательные представления, принадлежащие к системе Vbw.

Для дальнейшего образования сновидений надо преодолеть некоторые трудности. Нарциссизм состояния сна означает утерю активности у всех представлений объектов, как и соответствующих предсознательных и бессознательных частей этого представления. Если даже дневные «остатки» и сохранили свой интерес, то все-таки приходится сомневаться в том, можно ли допустить, что они ночью приобретут достаточно энергии, чтобы привлечь к себе внимание сознания; скорее можно допустить, что оставшийся у них интерес гораздо слабее, чем тот, который они представляли в течение дня. Анализ делает здесь лишним дальнейшее рассуждение, так как показывает нам, что эти дневные «остатки» должны получить подкрепление из источников бессознательных влечений для того, чтобы могли образовать сновидение. Это допущение сначала не встречает никаких трудностей, потому что мы должны предполагать, что во сне цензура между Vbw и Ubw сильно понижена, благодаря чему сообщение между этими системами скорее облегчается.

Но нельзя умолчать о другом сомнении, — если нарциссическое состояние сна повлекло за собой отнятие всех активных сил (Besetzungen) всех систем Ubw и Vbw, то ведь отпадает также и возможность, чтобы предсознательные дневные «остатки» получили подкрепление от бессознательных влечений, которые сами лишились своей активности (Besetzungen). Теория образования сновидений приводит тут к противоречию и может быть спасена благодаря изменению предположения о нарциссизме сна.

Как окажется позже, такое ограничивающее допущение необходимо также и в учении о Dementia praecox. Оно может гласить только одно: что вытесненная часть системы Ubw не подчиняется желанию спать, исходящему от «*Я*», сохраняет полностью или частично свою активную силу (Besetzungen), или вообще приобрела вследствие вытеснения известную степень независимости. Соответственно этому должна была бы не прекращаться в течение всей ночи известная сила напряжения вытеснения противодействия (Gegenbesetzung), чтобы предупредить опасность со стороны влечения, хотя недоступность всех путей к освобождению аффекта и к области движений сильно понижает степень необходимого противодействия. Мы представили себе поэтому положение, ведущее к образованию сновидения следующим образом: желание сна старается вернуть все исходящие от «*Я*» привязанности (Besetzungen) и создать положение абсолютного нарциссизма. Это удается лишь отчасти, потому что вытесненное в системе Ubw не подчиняется желанию спать, поэтому должна оставаться часть противодействия, а также цензура между Ubw и Vbw, хотя бы не в полной мере. Поскольку распространяется власть «*Я*», все системы освобождены от своих привязанностей к внешним объектам (Besetzungen).

Чем сильнее бессознательные привязанности влечений (Triebbesetzungen), тем настойчивее сон. Нам известен также крайний случай, когда «*Я*» отказывается спать, потому что чувствует себя неспособным сдержать освободившиеся во время сна вытесненные душевные движения, другими словами, оно отказывается от сна, потому что боится своих сновидений.

В дальнейшем мы оценим все важные последствия предположения о сопротивляемости вытесненных душевных движений, а теперь проследим дальше положение при образовании сновидений.

Как второе вторжение в нарциссизм мы должны рассматривать упомянутую выше возможность, что и некоторые из предсознательных мыслей дня оказываются очень устойчивыми и сохраняют часть своей актиности (Besetzungen). По существу оба случая могут быть тождественны: устойчивость дневных «остатков» может объясняться установившейся уже во время бодрствования связью их с бессознательными душевными движениями; или же дело происходит несколько сложнее, и не совсем лишенные активности дневные «остатки» только во время сна вступают в связь с вытесненным благодаря облегченному сообщению между Ubw и Vbw. В обоих случаях вследствие этого наступает такой же самый решительный успех в образовании сновидений: образуется предсознательное желание сновидений, в котором бессознательное душевное движение находит себе выражение при помощи материала предсознательных дневных остатков. Это желание сновидения следует резко отличать от дневных остатков; его не могло быть в бодрственном состоянии, оно может иметь тот иррациональный характер, которым отличается все бессознательное, когда его переводят в сознательное. Желание сновидения также не следует смешивать с теми желаниями, которые могут быть, но, понятно, не должны непременно быть среди предсознательных (латентных) мыслей сновидения. Но если такие предсознательные желания имелись, то желание сновидения присоединяется к ним как самое большое усиление их.

Речь идет о дальнейшей участи этих желаний, по существу заменяющих бессознательное влечение и образовавшихся в Vbw как желание сновидения (фантазия, исполняющая желание). Рассуждение подсказывает нам, что эти желания могут быть изжиты тремя различными путями или путем, который нужно считать нормальным в бодрственном состоянии, а именно — проникновением из Vbw в сознание, или в обход сознания путем непосредственного выхода в моторных действиях, или тем неожиданным путем, который открывает нам наше наблюдение. В первом случае эти желания превратились бы в бредовую идею, содержание которой составляет исполнение желания, но этого никогда не бывает в состоянии сна (будучи так мало знакомы с метапсихологическими условиями душевных процессов, мы, может быть, в этом факте увидим намек на то, что полное лишение активности какой-нибудь системы делает ее малочувствительной). Второй случай непосредственного выхода в моторных действиях во время сна исключается благодаря тому же принципу, потому что подступ к двигательной области обыкновенно находится еще несколько дальше от цензуры сознания, но в виде исключений его можно наблюдать как сомнамбулизм. Мы не знаем, какие условия создают такую возможность и почему она не случается чаще. То же, что действительно происходит при образовании сновидений, представляет из себя очень замечательный и совершенно непредвиденный выход: начавшийся в Vbw и подкрепленный Ubw процесс направляется обратной дорогой через Ubw к проникающему в сознание восприятию. Эта регрессия является третьей фазой образования сновидения. Для ясности повторим предыдущее: усиление Ubw предсознательных дневных «остатков» — возникновение желания сновидения.

Такую регрессию мы называем топической в отличие от упомянутой раньше временной, т. е. соответствующей ходу развития. Обе эти регрессии не всегда должны совпадать, но в данном случае это так и есть. Поворот течения возбуждения от Vbw к Ubw к восприятию является одновременно возвратом к ранней ступени галлюцинаторного исполнения желания.

Из «Толкования сновидений» известно, каким образом происходит регрессия предсознательных дневных «остатков» при образовании сновидения. Мысли превращаются при этом в образы, преимущественно зрительные, т. е. словесные представления переводятся и соответствующие предметные представления таким образом, как будто бы во всем этом процессе принималась во внимание изобразительность (Darstellbarheit). По завершении регрессии остается ряд активных сил (Besetzungen) в системе Ubw, активных (Besetzungen) вещественных воспоминаний, на которые действует первичный психический процесс до тех пор, пока не сформирует явное содержание сновидения, посредством сгущения и сдвига этих активных сил (Besetzungen) между собою. Только в тех случаях, где словесные представления среди дневных «остатков» представляют собою свежие актуальные остатки восприятий, а не словесные выражения мыслей, они подвергаются тем же процессам, что и вещественные

представления, и подлежат сами по себе влияниям сгущения и сдвига. Отсюда берется установленное «Толкованием сновидений» и потом подтвержденное с полной очевидностью правило, что слова и речи не составляются заново в содержании сновидения, а повторяются фразы дня, предшествовавшего сновидению (или другие связные впечатления, например, из прочитанного). Особенно заслуживает внимания то обстоятельство, как мало сохраняет работа сновидений словесные представления; она ежеминутно готова заменять одни слова другими, пока не найдет такое выражение, которое оказывается самым удобным для пластического изображения[2].

В этом пункте сказывается резкое различие между работой сновидения и шизофренией. При последней предметом обработки посредством первичного процесса становятся сами слова, в которых выражены предсознательные мысли. В сновидении обработке подвергаются не слова, а вещественные представления, к которым предварительно сводятся слова. Сновидению свойственна топическая регрессия, а шизофрении — нет; всновидении связь между активностью предсознательных словесных представлений Vbw (Wortbesetzungen) и активностью бессознательных вещественных представлений Ubw (Sachbesetzungen) остается открытой; для шизофрении характерно то, что эта связь прерывается. Впечатление от этого различия ослабляется именно благодаря толкованию сновидений, которое мы предпринимаем в психоаналитической практике. Толкование сновидений производит впечатление то остроты, то шизофренической выходки благодаря тому, что выявляет течение работы сновидений, прослеживает пути, ведущие от латентных мыслей к элементам сновидений, показывает, как используется двусмысленность слов, и вскрывает словесные связи между различными группами материалов; благодаря этому мы иногда забываем, что все операции над словами являются только подготовкой к вещественной регрессии.

Завершение процесса сновидения состоит в том, что содержание мыслей, превращенное благодаря регрессии и переработанное в фантазирование, проникает в сознание как чувственное восприятие, причем подвергается вторичной переработке, которой подлежит всякое содержание восприятия. Мы говорим, что желание сновидения воспринимается как галлюцинация и в таком виде внушает веру в реальность своего исполнения. Именно с этой заключительной частью сновидения связаны самые сильные сомнения, для выяснения которых мы и хотим сравнить сновидение с родственными ему патологическими состояниями.

Образование фантастического желания и его регрессии к форме галлюцинации составляет самую существенную часть работы сновидения, однако же они свойственны не одному ему: они встречаются еще при двух болезненных состояниях — при острой галлюцинаторной спутанности, Amentia (Meynert), и при галлюцинаторной фазе шизофрении. Галлюцинаторный делирий при аменции представляет из себя вполне ясное фантазирование, часто развитое во вполне определенной последовательности, подобно прекрасной грезе. Можно было бы говорить вообще о галлюцинаторном психозе, выражающем желание (hallucinatorische Wunschpsychose), и в разной мере считать таковым как сновидение, так и аменцию. Встречаются также сновидения, которые состоят только из очень содержательных, неискаженных фантазий. Хуже изучена галлюцинаторная фаза шизофрении, обыкновенно она кажется составленной из различных частей и, вероятно, по существу соответствует новой попытке самоисцеления, стремящейся вернуть либидозные привязанности к представлениям объектов.[1] Я не могу еще привести сравнения с остальными галлюцинаторными состояниями при разнообразных патологических явлениях, потому что не располагаю ни личным опытом, ни опытом других.

Постараемся понять, что галлюцинаторный психоз, воплощающий желание — в сновидении или в других случаях, выполняет двойную работу совершенно различного свойства. Он не только доводит до сознания скрытые или вытесненные желания, но представляет их уже выполненными, вселяя в это полную веру. Важно понять это совпадение. Нельзя утверждать, что бессознательные желания, став сознательными, должны приниматься за реальные, потому что, как известно, наше суждение прекрасно умеет отличать действительность от самых интенсивных представлений и желаний. Напротив, весьма правильным кажется предполагать, что вера в реальность восприятия связана с восприятием посредством чувств. Если какая-

---

[2] С первой такой попыткой увеличения концентрации активной силы на словесных представлениях мы познакомились в статье «Бессознательное».

нибудь мысль совершает путь регрессии до бессознательных следов воспоминаний объектов, и далее до области восприятий, то восприятие ее мы считаем реальной. Галлюцинация приносит с собой, следовательно, веру в реальность. Спрашивается, каковы условия возникновения галлюцинации? Первый ответ гласит: регрессия, и благодаря этому вопрос о возникновении галлюцинации заменяется вопросом о механизме регрессии. Что касается сновидения, то нам не приходится долго ждать ответа. Регрессия предсознательных мыслей сновидения к образам воспоминания вещей является, очевидно, следствием притяжения, которое эти бессознательные психические корреляты влечений — например, вытесненные воспоминания о переживаниях — оказывают на выраженные в словах мысли. Но скоро мы замечаем, что попали на неверный путь. Если бы тайна галлюцинации заключалась только в регрессии, то всякая интенсивная регрессия должна была бы повести к галлюцинации, сопровождающейся верой в ее реальность. Но нам прекрасно известны случаи, в которых регрессивное раздумье доводит до сознания очень ясные зрительные образы воспоминаний, которые мы, однако, ни на минуту не считаем реальным восприятием. Мы можем себе также прекрасно представить, что работа сновидений доходит до подобных образов воспоминаний, делает сознательными бывшие до сих пор бессознательными и рисует нам фантазию, которая воспринимается нами как очень желательная, но которую мы не можем принять за реальное исполнение желания. Галлюцинация должна быть чем-то большим, чем регрессивное оживление бессознательных образов воспоминаний.

Не следует упускать из вида, что способность отличать восприятие от представлений, даже очень интенсивно вспоминаемых, имеет большое практическое значение.

От этой способности зависит все наше отношение к внешнему миру, к реальности. Мы высказали предположение, что эта способность имелась у нас не всегда и что в начале нашей душевной жизни мы действительно видели как галлюцинацию объект, доставляющий это удовлетворение, когда в нем чувствовали потребность. Но удовлетворение в таких случаях не наступало, и неудача скоро должна была нас заставить создать такое приспособление, при помощи которого мы могли бы различать такое восприятие желания от реального осуществления и в будущем избегать его. Другими словами, мы очень рано отказались от галлюцинаторного удовлетворения желания и выработали у себя особого рода испытание реальности. И вот возникает вопрос, в чем же состояло это состояние реальности и каким образом галлюцинаторному психозу, осуществляющему желание в сновидении и в аменции, удается устранить это испытание реальности и снова вернуться к старому способу удовлетворения?

Нетрудно на это ответить, если более точно определить третью из наших психических систем — систему Bw, которую до настоящего времени мы нестрого отличали от Vbw. Уже в «Толковании сновидений» мы должны были решиться видеть в сознательном восприятии деятельность особой системы, которой мы приписали некоторые замечательные свойства и которую с полным основанием можем наделить еще другими качествами. Эту названную там W систему (Wahrnehmung — восприятие) мы сливаем с системой Bw, от работы которой обыкновенно зависит осознание. Но факт осознания все же полностью не совпадает с принадлежностью к системе, потому что мы знаем, что мы можем заметить и такие чувственные образы воспоминаний, которые мы никоим образом не можем отнести к системам Bw или W.

Однако обсуждение этого трудного вопроса должно опять-таки быть отложено до того момента, когда мы сможем сосредоточить наш интерес на системе Bw. В настоящее же время пока допустим, что галлюцинация состоит в занятии (Besetzung) системы Bw (W), которое, однако, происходит не извне, как это бывает нормально, а изнутри, и что необходимым условием для этого является такое положение, при котором регрессия так велика, что доходит до этой самой системы Bw и может при этом пренебречь испытанием реальности[3].

В предыдущей статье («Влечения и их судьба») мы приписали беспомощному организму способность первой ориентировки в мире посредством восприятий благодаря тому, что он научается различать «вне» и «внутри» по отношению к себе в связи с мускульными действиями. Восприятие, исчезающее благодаря действию, признается внешним —

---

[3] В дополнение должен прибавить, что попытка объяснить галлюцинацию должна исходить не из положительной, а из отрицательной галлюцинации.

реальностью, а в тех случаях, когда действие ничего не меняет, восприятие исходит изнутри собственного тела, — оно нереально. Для индивида чрезвычайно ценно обладать таким признаком реальности, который одновременно имеет значение также и помощи против нее, и ему очень хотелось бы располагать подобной же силой и против неумолимых требований влечений. Поэтому он делает такие усилия для того, чтобы перенести вовне, проецировать все, что ему становится мучительным внутри.

После детального расчленения душевного аппарата, мы должны приписать эту способность ориентироваться в мире, благодаря различению внутреннего и внешнего, только системе Bw (W). Bw должно располагать моторной иннервацией, посредством которой можно установить, исчезает ли данное восприятие или оказывается стойким. Именно это устройство и никакое другое может быть испытанием реальности. Мы не можем об этом сказать ничего больше, так как природа и способ работы системы Bw еще мало известны. Испытание реальности мы считаем одним из больших институтов «*Я*» наряду с известными нам уже цензурами между различными психическими системами и надеемся, что анализ нарциссических заболеваний поможет нам открыть другие подобные институты. Из патологии мы в состоянии уже теперь узнать, каким образом может быть прекращено испытание реальности или приостановлена его деятельность. В психозе, осуществляющем желание, в аменции мы это можем узнать точнее, чем в сновидении: аменция есть реакция на потерю, которую реальность утверждает, а «*Я*» отрицает как невыносимую, тогда «*Я*» обрывает, оно отнимает активные силы (Besetzungen) у системы восприятий Bw или, лучше сказать, одну активную силу (Besetzung), природа которой может стать предметом особого исследования. Вместе с этим отходом от реальности устраняется и испытание реальности: фантазии — невытесненные, безусловно сознательные, могут проникнуть в систему и признаются там как более приемлемое, чем реальность. Такого рода отнятие должно быть присоединено к процессам вытеснения; аменция дает нам интересную картину раздвоения «*Я*» с одним из своих органов, который служил ему, может быть, самым верным образом и наиболее тесно был с ним связан[4].

То, что при аменции достигается «вытеснением», при сновидении происходит благодаря добровольному отказу. В состоянии сна человек ничего не хочет знать о внешнем мире, не интересуется совсем реальностью или считается с ней постольку, поскольку имеется в виду прекращение сна, пробуждение. Он отнимает, следовательно, активность (Besetzung) у системы Bw, как и у других систем Vbw и Ubw, поскольку находящиеся в них позиции подчиняются желанию спать. Вместе с этой свободой системы Bw прекращается возможность испытания реальности, и возбуждения, направившиеся независимо от состояния сна по пути регрессии, найдут этот путь свободным до системы Bw, в которой они будут приняты как неоспоримая реальность[5]. Исходя из этих соображений, мы должны будем сделать вывод относительно галлюцинаторного психоза при Dementia praecox, что он не может принадлежать к числу начальных симптомов заболевания. Он становится возможен только тогда, когда «*Я*» больного распалось настолько, что испытание реальности не может уже не допустить галлюцинации.

По поводу психологии процессов сновидения мы приходим к тому результату, что все существенные признаки сновидения предопределены условием состояния сна. Древний мыслитель Аристотель оказывается во всех отношениях прав в своем скромном заявлении, что сновидение представляет собой душевную деятельность спящего. Мы можем сказать: это остаток душевной деятельности, ставший возможным благодаря тому, что нарциссическому состоянию сна не удалось проникнуть без исключения повсюду. Это звучит немного иначе, чем то, что всегда утверждали психологи и философы, но основано на совершенно иных взглядах о строении и деятельности душевного аппарата; преимущество этих взглядов в сравнении с прежними состоит в том, что они могут нам в то же время объяснить все подробности сновидения.

---

[4] Тут можно решиться на предположение, что и токсические галлюцинозы, например, алкогольный делирий, нужно понимать подобным же образом. Невыносимая попотеря, навязываемая реальностью, состоит в лишении алкоголя. Прием его прекращает галлюцинации.

[5] Принцип невозбудимости свободной системы, как кажется, недействителен по отношению к Bw (W), но речь может идти только о частичном прекращении активности (Besetzung), и именно по отношению к системе восприятий мы должны будем допустить некоторую совокупность условий возбуждения, очень различных от других систем. Неуверенный, нащупывающий характер этих метапсихологических рассуждений никоим образом не следует скрывать или приукрашивать. Только дальнейшее углубление приведет нас к известной степени вероятности наших взглядов.

Бросим, наконец, еще взгляд на значение, которое приобретает топика процесса вытеснения для нашего понимания механизма душевных заболеваний. При сновидении отнятие активности (Besetzung) (либидо, интерес) касается одновременно всех систем, при неврозах перенесения отнимается предсознательная активность (Besetzung), при шизофрении — Ubw, при аменции — Bw.

Текст печатается по изданию: **Зигмунд ФРЕЙД. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб., «Алетейя», 1998. / Фрейд З. Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях. С 194 – 210.**
